

Спектакль начнется только через час, но у входа в театр уже толпятся зрители: девочки с пышными бантами в косичках, непримчиво опрятные мальчишки...

Воздействие театра на ум и сердце ребенка необычайно велико, его воспитывающая сила огромна. Но, чтобы спектакль получился живой, эмоциональный отклик, а его идея была правильно понята и запечатлелась в сознании детей, он должен быть интересным и доступным маленьким зрителям. Круг интересов, жизненный и эстетический опыт, особенности психологии (и, в частности, особенности восприятия спектакля) у ребят семилетнего возраста совсем иные, чем у подростков 12—13 лет. Значит, и пьесы, и средства сценической выразительности тоже должны быть разными для разных возрастных групп. Если малыши лучше всего воспринимают спектакль-сказку, в близкой им форме раскрывающий глубокие мысли и понятия, то подросток сказка уже не удовлетворяет. Они хотят видеть пьесы о большой настоящей жизни, о своих сверстниках и старших братьях, о подвигах борцов революции. Спектакли они любят действенные, динамичные, героические — активных и цельных. Психологические тонкости их еще не увлекают. Но придет два—три года, подросток превратится в юношу, у него возникнет потребность психологического анализа и желание усвоить для себя те «вечные» вопросы человеческих отношений, которые в каждую социально-историческую эпоху каждое поколение осмысливает заново. И жизнь интересует его теперь по-другому: он хочет знать ее досконально, определить свое место в ней, разобраться в основных процессах и закономерности окружающей его действительности.

Основной художественно-педагогический принцип советского театра для детей заключается в том, что он учитывает эти возрастные особенности и ставит спектакли не для ребят вообще, а для трех различных групп — школьников младшего, среднего и

старшего возраста. — осуществляя последовательную программу идейного, эстетического и нравственного воспитания своих юных зрителей.

Основной группой его зрителей, естественно, являются ученики пятых—седьмых классов. В эту пору активного формирования характера воспитательное воздействие театра приобретает особое значение. Кроме того, подростки уже не ходят в кукольный театр и еще не посещают спектакли для взрослых. У них есть только один театр — ТЮЗ. Поэтому долг ТЮЗа по отношению к ним особенно велик. И тот факт, что Иркутский ТЮЗ в последнее время оставляет этот долг неоплаченным, вызывает большую тревогу.

Ученикам средних классов иркутских школ буквально нечего смотреть в своем театре. В 1960 году для них был поставлен один спектакль («Друг мой, Колька!»), прошедший всего 14 раз; сейчас идет тоже один спектакль («Генка Пыжов — первый житель Вратска»). Подростки не видят на сцене ТЮЗа ни пьес о школе и школьниках, ни спектаклей о героической революционной борьбе, о патристических подвигах, ни произведений биографического жанра о великих писателях, ученых и т. п. Не ставят для них и классику, хотя именно в этом возрасте нужно прививать детям интерес к классической драматургии (начиная, разумеется, с наименее сложных пьес).

Положение младших зрителей, казалось бы, лучше. Для них в репертуаре ТЮЗа есть три сказки, а сейчас готовится четвертая. И сказки театр выбирает хорошие. Но, к сожалению, поставлены они далеко не совершенно. «Красная шапочка» (режиссер Д. Шатров) идет вяло, в пониженном монотонном ритме, действенные линии пьесы остались невыявленными. Гораздо точнее и глубже раскрыта режиссером П. Остером сказка «Ученик волшебника», но художник Г. Бурдин оформил этот спектакль скучно, невырази-

Детский театр—детям

Почему необходима перестройка работы ТЮЗа

тельно, небрежно и настолько непродуманно, что иногда невозможно понять, где происходит действие. Сказочные превращения волюнтаризма художником без всякой выдумки. В результате спектакль, верно решенный режиссером и отнюдь не плохо сыгранный, становится безрадостным, лишено яркой зрелищности, без которой театр теряет для малышей свою притягательную силу. Гораздо удачнее декорации Г. Вудрина к «Василисе Прекрасной», но и этот спектакль не получился праздничным: режиссер Р. Курбатова поставила его хотя и грамотно, но без яркой выдумки.

Д. Шатров и Р. Курбатова не работают в ТЮЗе постоянно. Почему же руководство театра решило привлечь к постановке сказок именно этих режиссеров, не чувствующих сказочного жанра, не владеющих им? Почему допустило плохое оформление «Ученика волшебника»? Очевидно, потому, что к созданию спектаклей-сказок здесь относятся недостаточно ответственно.

Основное внимание Иркутский ТЮЗ уделяет зрителям старшего возраста. Такое предпочтение неправомерно. Юношество, молодежь обязательно должны входить в орбиту воздействия ТЮЗа, но нельзя допускать, чтобы количество показанных

им спектаклей почти в девять раз превышало количество спектаклей для подростков, как это было в 1960 году.

Однако дело не только в количестве. Очень хорошо, что ТЮЗ ставит пьесы В. Розова, «Заводские ребята» И. Шуря, «Николай Иванович» Л. Гераскиной. Но вот появление на его сцене арбузовской «Тани» вызывает недоумение. Зачем ставить пьесу, написанную для «взрослого» театра и взрослых зрителей, когда есть целый ряд пьес, адресованных специально юношеству и именно по этой причине не идущих во «взрослом» театре? Совсем уже непонятно, зачем поставил ТЮЗ комедию С. Нариньяни «Опасный возраст». Она обращена не к молодежи, а к тем, кто ее воспитывает.

Между тем во имя таких пьес ТЮЗ отказывается от постановки хороших, действительно нужных молодежи пьес на современные темы и от работы над классикой.

Руководители ТЮЗа склонны оправдывать постановку «кассовых» пьес для взрослых необходимостью выполнения финансового плана. Но, резко увеличив количество спектаклей для детей, театр добился бы почти тех же материальных результатов. Иркутский ТЮЗ не только выполнил, но значительно перевыполнил план доходов за счет спектаклей

для взрослых. А план показа спектаклей детям остался невыполненным. Между тем ТЮЗы получают государственную дотацию именно для того, чтобы играть спектакли для детей по сниженным расценкам; у нас в стране детский театр не рассматривают как коммерческое предприятие и не требуют от него перевыполнения финансо-

вых планов в ущерб воспитательным задачам.

Отсутствие последовательной художественно-педагогической программы отражается не только на построении репертуара, но и на всей организации работы Иркутского ТЮЗа.

Труппа его сформирована без учета тюзовской специфики: в ней остро не хватает актеров, которые могли бы играть роли детей и подростков. К постановкам привлекаются случайные режиссеры, не способные творчески воспитывать коллектив. Художник, приглашенный со стороны, работает по меньшей мере небрежно, а главный художник театра загружен недостаточно.

Педагогической части театра из-за неправильного построения репертуара очень трудно развернуть настоящую работу со школами. Литературная часть вынуждена заниматься поисками «легких» пьес для параллельных спектаклей, а «пробить» постановку «Тома Сойера» оказывается невозможным. Активность художественного совета снижается, коллектив теряет творческий накал...

...А юные зрители идут в свой театр. Приходят за час до начала, ждут спектакля, как праздника. Они еще верят театру. И нужно, не медля ни минуты, не боясь никаких сложностей и радикальных средств, начать перестройку всей работы ТЮЗа, чтобы сохранить и оправдать его драгоценное доверие.

И. СЕГЕДИ,
крилик Всероссийского театрального общества.